

ДОЛАНЫ В СИНЬЦЗЯНЕ (ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Доланы (долоны) — небольшой тюркоязычный народ, живущий на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (1). Он до сих пор не выделен в списке народов страны в качестве отдельного этноса. Доланы дисперсно расселены небольшими группами в пустыне Такламакан по берегам реки Тарим. Как отмечает исследователь доланов Э.Р. Тенишев, их поселения цепочкой тянутся от Меркита (ок. Яркенда) до Корлы. Самое южная их часть осела в Хотанском оазисе (2). В последней четверти XIX в. их посещали русские путешественники Н.М. Пржевальский (3) и В.И. Роборовский (4). Свой вклад в изучение доланов внесли западные ученые, в частности А. Лекко (5) и К.П. Крайн (6).

Собранные С.Е. Маловым еще до революции материалы по языкам и народам Синьцзяна, в том числе и по доланам, опубликованы только в 1961 г. По его свидетельству, доланы жили в селениях Яркет и Чарбак (Чарвак) района Маралбаши, часть их оттуда переселилась в Бюгурский оазис. Около Бюгура доланы живут в селениях Чон-Чумпак и Кечик-Чумпак (7). В ноябре 1956 г. у доланов в селениях Тувэн Долан (южнее Аксу, район Оват) и Шахкур (на пути из Аксу в Кашгар, район Маралвеша) побывал тогда молодой тюрколог, ученик С.Е. Малова, выпускник Ленинградского университета Э.Р. Тенишев (8).

Точных данных о численности долан в Китае не публиковалось. Э.Р. Тенишев сообщает, что в Оватском районе проживало около 4 тыс. чел.; при этом он подчеркивает, что центром всей доланской этнической общности, по признанию местных жителей, является Меркит (9). Таким образом, если предположить, что в районах Оват и Маралвеша численность долан примерно одинакова, а в Мерките несколько большая, чем в каждой из двух первых районов, то суммарно численность долан в КНР можно ориентировочно определить как минимум 15 тыс. чел.

Весьма дискуссионным является вопрос об этногенезе и этнической истории долан. Зафиксировано, что слово долан/даулан как

топоним впервые встречается в исторических сочинениях второй половины XVIII в., но о его связи с соответствующим этнонимом на основе имеющихся материалов нельзя сказать ничего определенного. Только Н.М. Пржевальский и В.И. Роборовский впервые высказывали предположение о происхождении доланов, считая их потомками монголоязычных народов, в частности ойрато-калмыков.

Сами доланы ведут свою родословную от мифических «семи родов» (*йетте урук*). Э.Р. Тенишев видит в уйгурском слове *йетте* эквивалент монгольского *долан* (оно в обоих случаях означает «семь»), что может являться одним из свидетельств монгольского происхождения современных доланов. Это вполне вероятно, поскольку цифра «семь» присутствует в легендах о происхождении халха — основного этноса Монголии. Это так называемые «семь хошунов», «семь поколений» — понятия, широко встречающиеся в фольклоре халха.

Э.Р. Тенишев, сравнивая фонетические формулы числительного «семь» в монгольских языках, считает, что этноним «долан» наиболее близок торгутской форме «семь» — *dolan*, как и вообще калмыцкому языку (10). Таким образом, на основе лингвистических и фольклорных материалов связь доланов в монголами выглядит вполне правдоподобной. С.Е. Малов (11) и С.М. Абрамзон (12) усматривают в языке доланов наличие киргизских элементов, хотя Э.Р. Тенишев утверждает, что «какие-либо специфические киргизские черты в языке долан не обнаруживаются» (13). Кстати, аксуйцы сообщали С.Е. Малову, что они уверены именно в монгольском происхождении долан (14).

Вместе с тем нельзя не обращать внимания на отмечаемую разными авторами, в том числе и Э.Р. Тенишевым, близость доланов и лобнорцев, в этногенезе и этнической истории которых киргизы в разные эпохи играли значительную роль. Антропологически доланы по сравнению с уйгурами более высокорослые и более крепкого телосложения, их монголоидность значительно ярче выражена, по внешнему виду они весьма напоминают лобнорцев. По некоторым лингвистическим показаниям, язык долан отличается как от уйгурского литературного языка, так и от его диалектов и сближается с лобнорским (15).

Вспомним, что доланы, по утверждению большинства исследователей, в своем этногенезе и этнической истории тесно связаны с монгольскими родоплеменными объединениями, прежде всего ойрато-калмыцкими, в формировании которых как этноса значительная роль принадлежит именно тюркским этноязыковым компонентам, в том числе несомненно и киргизскому. Вполне вероятно, что много веков тому назад отряд монгольского войска, состоявший из ойрато-калмыков, оказался ушедшим далеко от основной армии на берега реки Тарим. Поселившись в уйгурской среде, они стали испытывать их влияние. Через смешанные браки, альтернативы которым не было, они довольно быстро восприняли традиционную уйгурскую культуру и язык, при этом сохраняя представление о своем особом происхождении, в отличие от соседних уйгуров, противопоставляя себя им. Воспринять традиционную уйгурскую культуру их заставила и та географическая среда, в которой они оказались.

Термин *долан* уже упоминался как самоназвание народа, но известны и другие, встречающиеся у разных региональных групп. Так, аксуйские доланы называют себя *отуз ишке мин ойлук долан*, т.е. «доланы тридцати двух тысяч домов». Однако не только смысл и происхождение этого термина не поддаются научному объяснению, но и народная этимология его отсутствует. Э.Р. Тенишев приводит и другие самоназвания. Так, доланы ему сообщили такую версию: свыше двухсот лет тому назад Геззити Ишан впервые назвал их этим именем, значение которого они понимают как «мои превосходные» (*обданлирим*). Понятно, что такое толкование термина является исключительно произвольным и продиктовано добрым, уважительным отношением к самим себе. Некоторые доланы толкуют свое самоназвание по смыслу как *тема хэлик* («сборный народ») (16). Это объяснение значения самоназвания, пожалуй, является верным по своему историческому смыслу как признающее участие разных народов в их формировании.

О языке доланов среди ученых нет расхождений. В настоящее время все они говорят на языке соседних с ними уйгуров: доланы района Оват — на говоре уйгуров Аксу, доланы Маралвешы — на уйгурском говоре Кашгарского оазиса и т.д.

О традиционной культуре доланов нам известно крайне мало. Как ясно из вышеизложенного, путешественники и ученые, бывав-

шие у долан, в первую очередь старались определить их связь с другими соседними народами, понять их язык, фольклор и в значительной мере специфику их культуры и быта. Основными их занятиями были поливное земледелие, скотоводство, птицеводство, охота и собирательство, аналогичные уйгурским традиционными видам хозяйственной деятельности оазисного типа. Все бывавшие у долан сообщали, что по одежде, жилищу и пище они практически не отличались от местных оазисных уйгурских групп.

Правда, иногда встречаются воспоминания о «седой старине», когда доланы якобы отличались от соседей и жили, например, в деревянных рубленых домах с деревянной коньковой крышей. Совершенно очевидно, что такой тип жилища немыслим был в безлесных районах пустыни Такламакан. Даже по берегам реки Тарим не было никаких лесов, способных обеспечить доланов для этого строительным материалом в достаточной степени. Такие леса действительно имелись много севернее, где, как известно, жили ойрат-монголы, но и у них не было таких роскошных жилищ.

Доланы исповедуют ислам суннитского толка. У них сохранилось представление о делении их на сотни, имевшие названия в зависимости от наименования конкретного селения, где проживала та или иная их группа. Еще в начале XX в. браки внутри сотни запрещались, затем брачные табу значительно ослабели, чаще стали фиксироваться и межэтнические браки. Здесь уместно вспомнить, что ойрато-калмыцкое войско тоже прежде сохраняло родоплеменную структуру и подразделялось на сотни. Очевидно, этот факт вполне можно рассматривать как еще одно свидетельство исторических связей доланов и ойрато-калмыков.

Доланы вошли в литературу как любители музыки, песен, танцев, народных симфоний-мукамов. Их исполнители народных песен — настоящие рапсоды, широко известные в округе (17). В свободное от сельскохозяйственных работ время, преимущественно зимой, устраиваются вечера (*меширеб*). В отличие от уйгуров, у которых также существует *меширеб*, у доланов в них деятельное участие принимают наравне с мужчинами и женщины, которые в некоторых местах расселения доланов сами устраивают *меширебы* и даже руководят ими. Это по справедливости рассматривается как

свидетельство довольно свободного и высокого положения доланской женщины (18).

Исполнение танцев у доланов различается в зависимости от места проживания: в Оватском районе танцующие движутся по кругу, а в Маралвешском — в рамках квадрата. Составной частью *мешребов* являются игры. Игра *пота-ойун* («игра с кушаком») сопровождается чтением стихов, в некоторых случаях — исполнением музыки и песен. В игре *чини-ойун* («игра с пиалой») заняты мужчина и женщина. Вот как описывает ее Э.Р. Тенишев: «При игре *чини-ойун* женщина, держа пиалу, каждой рукой поочередно делает круговые движения, вращая локтями, затем она передает пиалу мужчине. Тот должен повторить все эти манипуляции. Если он не сможет этого сделать, то присуждается к «штрафу», например к исполнению «Гожалдирвак» – комического танца с хомутом на шее (к хомуту привешены колокольчики)» (19).

Я позволил себе привести эту длинную цитату с подробным описанием игры *чини-ойун* не только потому, что она любима участниками *мешреба* из-за своей яркой юмористической театральности, которая, несомненно, требует определенной подготовки, но и из-за этимологии названия танца, которое в переводе с монгольского языка означает «пропадать надежде». «Монгольское наименование танца подкрепляет мысль о монгольском субстрате долан» (20). Это еще один факт, подтверждающий этногенетические связи доланов с монголами.

Э.Р. Тенишев в своих работах характеризует доланов как живых и общительных людей. Типологически он рассматривает их как этнографическую группу (21). В этом случае встает вопрос: это самостоятельная этнографическая группа, т.е. отдельный этнос, или этнографическая группа уйгуров. С учетом четко выраженного самосознания, наличия самоназвания, сохраняющегося представления о своем особом происхождении представляется объективно более правильным считать доланов самостоятельным этносом.

Кстати, соседние уйгуры в фольклорных произведениях порой весьма критически отзываюся о некоторых чертах доланов. Так, в одном из них говорится:

*Женился я на доланской девушке,
Ни разу в месяц не умывается она.
«Встань, умойся!» — коль я скажу,
Она, как вол, поводит своими глазами (22).*

Это только маленький пример встречающегося противопоставления норм повседневного поведения представителей доланов и уйгуров.

В литературе зафиксировано отношение других народов Синьцзяна к доланам. Так, С.М. Абрамзон, крупнейший исследователь этнографии киргизов, сообщает, что китайские киргизы в настоящее время считают доланов отдельным народом с самоназванием *уч-долон* (23). Как уже отмечалось выше, и сами доланы противопоставляют себя соседям и не считают себя уйгурами. Наличие четко выраженных, сохраняющихся вплоть до наших дней этнического самоназвания и самобытного самосознания, основывающегося на исторической традиции признания своего ойрато-калмыцкого происхождения, дает право квалифицировать доланов как отдельный этнос.

Вместе с тем нельзя не учитывать длительное, все возрастающее влияние на них соседнего уйгурского населения. Со второй половины XX в. через обязательное школьное образование увеличилось воздействие на молодых людей (в течение нескольких поколений!) богатой уйгурской письменной традиции. Представляется, что доланы со временем постепенно все больше будут осознавать себя в первую очередь через общность языка, образования и современной культуры частью уйгурского этноса, его локальными этническими группами.

***

1. В 1975 г. автор посетил немногочисленную группу советских долан в сел. Тигермень Уйгурского района Казахской ССР.

2. Тенишев Э.Р. Доланы и их язык // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965. С. 95. О доланах в Синьцзяне подробнее см.: Тенишев Э.Р. У тюркских народов Китая (дневники 1956–1958 гг.). М., 1995. С. 77–85, 232.

3. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888.
4. Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань. М., 1949.
5. Le Coq A.v. Eine dolanische Wörterliste. Berlin, 1916.
6. Scrine C.P. Chinese Central Asia. Boston; New York, 1926.
7. Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна (тексты, переводы, словарь). М., 1961. С. 115, 171, 173.
8. Тенишев Э.Р. Доланы и их язык... С. 94–103.
9. Там же. С. 96.
10. Там же. С. 95.
11. Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна... С. 4.
12. Абрамзон С.М. Киргизы КНР // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. общественных наук. Фрунзе. 1961. Т. 3. Вып. 2. С. 122.
13. Тенишев Э.Р. Доланы и их язык... С. 95.
14. Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна... С. 138.
15. Тенишев Э.Р. Доланы и их язык... С. 96–98.
16. Там же. С. 94.
17. Тенишев Э.Р. Уйгурские тексты. М., 1954. С. 4.
18. Это отмечал уже П.К. Скряин. См.: Scrine P.K. Chinese Central Asia... P. 123–124.
19. Тенишев Э.Р. Доланы и их язык... с.96.
20. Там же.
21. Там же. С. 94–96.
22. Там же. С. 102.
23. Абрамзон С.М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. II. С. 337.